

Отмечу, что постулаты эмпирического мышления вообще используются Кантом для доказательства единственности опыта данного трансцендентального субъекта. Это доказательство позволяет сделать следующий вывод: при данных формах созерцания и данном типе ощущений в рамках данной интеллектуальной системы нельзя построить более чем одну модель мира.

Таким образом, сейчас можно сделать общий вывод: основоположения способности суждения завершают процедуру синтеза действительного опыта, которая согласно проведенной мною ранее аналогии может служить образцом для процедуры построения моделей мира в системах ИИ.

¹ Брюшинкин В. Н. Кант и «искусственный интеллект»: модели мира // Кантовский сборник: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1989. Вып. 15. С. 80—89.

² Там же. С. 85.

³ О роли таких импликаций в экспертных системах см. статью Р. Клокенбуша в настоящем сборнике (с. 91—94).

О функции способности суждения при введении в действие оболочки экспертной системы DEDUC

Райнольд Клокенбуш

(Университет им. Иоганна Гутенберга, Майнц, ФРГ)

Я хотел бы с самого начала сформулировать провокационный для одних, самоочевидный для других тезис: *ни тот, кто строит экспертную систему, ни тот, кто вводит ее в действие, не имеет права приписывать самому себе или своей системе божественные свойства.* Далее разъясняется и обосновывается точный смысл этого тезиса.

*Основания для сравнения возможностей введения в действие
оболочки экспертной системы DEDUC
с «Критикой способности суждения»*

Поскольку предметом этой статьи является проблема соотношения исследований по искусственному интеллекту и философской традиции, я выбрал в качестве исходного пункта оболочку экспертной системы DEDUC¹ и Кантову «Критику способности суждения», исходя из следующих соображений:

1) И у Канта, и в системе DEDUC речь идет о связи *теоретического* знания с *практическим* действием.

2) То, что связывает DEDUC с «Критикой способности суждения», представляет собой как раз понятие *целесообразности*.

3) В соответствии с требованием Канта, согласно которому способность суждения должна рассматриваться в ее «критическом» применении, главный тезис моей статьи может быть

представлен следующим образом: *если мы вместе с современной информационной технологией не хотим оказаться позади того состояния знаний, которое было достигнуто 200 лет назад в Кантовой «Критике способности суждения», необходимо критическое (в Кантовом смысле) ограничение притязаний, связанных с экспертной системой.*

Грубо говоря, работа с DEDUC совершается в два шага. Сначала экспертная система строится в так называемом *«вещном модуле»*, служащем для *системного моделирования*. На втором шаге строится так называемая *«иерархия ориентиров»*, при помощи которой устанавливается структура оценок возможной системы, поддерживающей решения. Это установление происходит в так называемом *«ориентирующем модуле»*, который включается в работу только тогда, когда в вещном модуле уже дано знание в форме посылок и импликаций. Для философской оценки возможностей системы в целом, состоящей из знаний о вещах и знаний об ориентирах, особое значение имеет более точное *разделение* обоих модулей. В вещном модуле работают так называемые *вещные импликации*, а в ориентирующем модуле в рамках иерархии ориентиров — *импликации от ценности к ценности*. В то же время совершается описание структуры ценностей, определенных на высказываниях о вещах, при помощи установления так называемых *импликаций от вещей к ценностям*, занимающих самую нижнюю ступеньку в ориентирующем модуле².

В дальнейшем соотнесение с Кантовой «Критикой способности суждения» будет происходить в три этапа. Сначала будет прокомментирована с кантовской точки зрения работа в вещном модуле, а затем — установление импликаций от вещей к ценностям и, в конце концов, — структура иерархии ориентиров.

Работа в вещном модуле:

Системное моделирование — критическое или догматическое применение способности суждения?

В начале этого раздела формулируются два тезиса, которые будут разъяснены в дальнейшем.

1-й тезис. Для характеристики работы вещного модуля недостаточно обращения к *определяющей* способности суждения; философская проблема системного моделирования лежит, скорее, там, где в связи с Кантом должно говорить о *рефлектирующей* способности суждения.

2-й тезис. Возможность получить *«критическую»* оценку работы DEDUC зависит от осознания того, в каком именно случае следует обращаться *исключительно* к рефлектирующей, а не определяющей способности суждения пользователя.

О первом тезисе. Если рассматривать с точки зрения Канта

только то, что DEDUC делает с данным знанием (посылками, импликациями), а именно действия дедукции, можно было бы эти действия отождествить с определяющей способностью суждения. Эта аналогия будет тем более отчетливой, что механизм вывода DEDUC основывается исключительно на *modus ponens* или *modus tollens*, и эти правила вывода допускают описание посредством кантовских *логических* отношений между *понятиями*. Импликация (если A , то B) вместе с фактом (A), из которого получается факт (B), может при этом быть интерпретирована так, что A рассматривается в логике понятий по отношению к B как *особенное*, а B — как *всеобщее* понятие, под которое подводится A . Эти понятийные отношения между особенным и всеобщим, из которых исходит Кант, можно отождествить с *объектными структурами*, как они применяются, например, в объектно-ориентированном программировании³. Однако *определяющая способность суждения* и есть собственно то, в компетенцию чего входит подведение под данные законы или понятия, то есть подведение особенного под общее⁴.

Тождество машины вывода DEDUC с определяющей способностью суждения после этого должно стать достаточно очевидным.

Сверх того требуется еще и работа *пользователя* DEDUC, чтобы вообще могла возникнуть структура экспертной системы с DEDUC. Это происходит уже не столько за счет применения определяющей, сколько с помощью *рефлектирующей* способности суждения, а именно посредством обнаружения правил, которое должно сделать возможным логические выводы в DEDUC, которым, в свою очередь, должно предшествовать введение данных в вещный модуль. Однако поиск всеобщих правил, исходя из особенного, представляет собой как раз то, что Кант предписал как задачу для *рефлектирующей* способности суждения.

О втором тезисе. Мы следуем в этом тезисе главному кантовскому высказыванию в диалектике телеологической способности суждения, где Кант говорит, что «вся видимость антиномии» покоится на том, «...что основоположение рефлектирующей способности суждения смешивают с основоположением определяющей» (5, 418), Кант ссылается здесь на третью антиномию «Критики чистого разума» (3, 418—421). Он различает конститутивные основоположения вида: «Всякое возникновение материальных вещей возможно только по механическим законам» от *регулятивного основоположения* («Всякое возникновение материальных вещей и их форм надо рассматривать как возможное только по механическим законам» (ср. (5, 413)). Конститутивные основоположения рассматриваются как такие положения, которые нечто говорят о «*возможности самого объекта*», в то время как регулятивные основоположе-

ния говорят нечто о том, при каких *методологических* подходах мы, как естествоиспытатели, приближаемся к природе.

Хотя Кантово противопоставление, требующее различать так называемые *механический* и *телеологический* принципы, может показаться несколько устаревшим с точки зрения сегодняшней теории систем, если понимать теорию систем как теорию *и* механических, *и* биологических систем, но главное Кантово высказывание все же соответствует притязаниям теории систем и порождает тем самым некоторое высказывание о возможности системного моделирования с помощью DEDUC.

Неважно, кладет ли Кант в основание механический или телеологический принцип наблюдения природы, в обоих случаях он указывает на то, что для нас невозможно *окончательное проникновение в природу* в случае, если она определяется *объективно*.

В Кантовой аргументации, касающейся и возможностей DEDUC, обосновано, что ни одна попытка описать реально существующую природу при помощи структуры естественных законов не может быть застрахована от неожиданностей, и это верно и относительно попытки описать реальную систему при помощи компьютерного моделирования. Так, Кант говорит: «Но насколько мы можем усмотреть, *случайно* то, что порядок природы согласно его частным законам, при всем, по крайней мере возможном, многообразии и неоднородности, превышающих нашу способность понимания, все же на деле соразмерен этой способности» (5, 186). Критическое применение способности суждения, по Канту, требует от нас рассматривать принципы, которые мы навязываем природе, если мы вообще хотим обладать упорядоченным знанием, как *эвристические принципы*. Кант говорит, что всякое теоретическое предприятие должно быть *подчинено* природе, чтобы получить некоторую определенную *целесообразность*. Это ничего не добавляет, как говорит Кант, к объекту (природы), но представляет по большей части только «способ, каким мы должны пользоваться в рефлексии о предметах природы, имея в виду полную связь опыта» (5, 183). Относительно DEDUC это означает, что всегда должна иметься возможность воспринимать базу знаний идеально как *систему*, а не просто как случайный агрегат фактов, если верно, что следует отдавать отчет в том, что она сама должна иметь дело с репрезентацией некоторого реального фрагмента нашего мира. Критическое применение DEDUC означает, что множество фактов и правил в вещном модуле не только может содержать ошибочные высказывания, но может также быть недостаточным, если знание о реальной системе демонстрирует свою неполноту. Как у Канта в понятии природы, так и в компьютерном моделировании понятие системы является исключительно эвристическим принципом, который должен служить поиску по возможности полного знания.

*Установление импликаций «от вещей к ценностям»:
Проблема разделения между знанием о вещах
и оценках — «целесообразность природы»
или «практическая целесообразность»?*

Понятие «организации», которое также играет роль в современной теории систем, в интерпретации Канта всегда связано также с понятием «намерения» (Absicht). Поэтому Кант говорит в отношении вещей природы, что «даже мысль о них как органических вещах невозможна, если с ней не связывают мысль о преднамеренном порождении их» (5, 426).

Тезис, который я предполагаю обосновать в этой части статьи, гласит: *в ходе критического применения оболочки экспертной системы DEDUC имеет смысл различать системную телеологию и намерение пользователя DEDUC.*

При этом под *системной телеологией* я подразумеваю, что подобно тому, как Кант приписывает природе в качестве эвристического принципа некоторое *намерение природы* или «целесообразность природы», имеет смысл говорить и о «намерении системы», которая должна моделироваться при помощи DEDUC. Это понятие целесообразности природы у Канта является выражением теоретического усилия по возможности адекватно описать природу независимо от того, что может быть нашим собственным намерением: «...природа посредством этого понятия представляется так, как если бы некий разумок содержал в себе основание единства многообразного содержания эмпирических законов» (5, 179). В противоположность этому Кант говорит о «практической целесообразности», которая всегда связана с намерениями действующих существ в природе. Кроме «морально-практических» правил, которые Кант причисляет к практической целесообразности, особо выделяются также «техничко-практические правила», которые являются правилами «умения оказывать влияние на людей и на их волю» (5, 169). Различение между целесообразностью природы и практической целесообразностью постольку отчетливо, поскольку истинные намерения природы в конечном счете нам неизвестны, в то время как мы, как правило, лучше знакомы с нашими собственными намерениями, оказывающими влияние на то и другое.

Системное моделирование при помощи DEDUC всегда будет целенаправленным, если должна существовать возможность использовать его как *инструмент планирования*. При этом важно отделять друг от друга две различные перспективы. В рамках одной, как в Кантовой теоретической философии природы, имеется эвристический принцип, в известной мере допускающий правильное описание системы *независимо от особенных представлений о цели*. С другой стороны, уже в вещном модуле, самое позднее в импликациях от вещи к ценности, вводится

субъективная перспектива пользователя, в рамках которой собственные намерения или намерения другого играют свою роль. В частности, возникает опасность, что субъективные предпочтения в пользу определенной системы, которая может быть результатом моделирования, не будут декларироваться как таковые пользователем. К примеру, при моделировании экосистемы могло бы возникнуть впечатление, что определенные состояния равновесия (например, поддержание многообразия видов) более соответствуют намерению природы, чем определенные альтернативы, которые моделируются DEDUC при помощи определенных посылок, которые лежат в области достижимости для людей (так называемые *сценарные послылки*). По Канту, намерение природы в конечном счете познать нельзя, даже в том случае, когда оно направляет все теоретические поиски. Подчинение *скрытой*, заложенной в природе телеологии может, по Канту, воспоследовать только критическому, но не догматическому намерению. Это означает, что сам пользователь или тот, кто должен работать с его экспертной системой, *выясняет*, что представляет, с одной стороны, *субъективное* знание о ценностях, а что, с другой стороны, *объективное по возможности адекватное* знание о вещах. Это происходит непосредственно в ходе *разделения между вещным и ориентирующим модулями*, в ходе которого пользователь описывает свои собственные критерии ценности всех следствий, которые даны в вещном модуле как результаты дедукции⁵. Чтобы правильно судить об «объективности» результатов, которая может быть достигнута в ориентирующем модуле, не только необходимо, следовательно, выдвигать субъективные элементы ценностей, которые формулируются в импликациях от вещей к ценностям, но также сверх того следует выяснить, почему непосредственно были выбраны *определенные* системные представления, которые моделировались в вещном модуле, прежде чем они будут переданы для дальнейшей обработки в ориентирующий модуль.

Структура иерархии ориентиров:

Правила умения или также правила ответственности?

О проблеме представления «высшей» конечной цели в ходе разумного применения системы поддержки решений

В этом разделе выдвигаются и обосновываются три тезиса.

1) В конечном счете технико-практические правила не являются достаточными: теория решений зависит и от *этической* точки зрения.

2) Ответственность как *«морально-практическая целесообразность»* не представима средствами DEDUC.

3) Если решения, которые поддерживаются при помощи DEDUC, должны иметь возможность быть морально ответст-

венными, то требуется, чтобы лица, принимающие решения, обладали *способностью суждения и автономией*.

О первом тезисе. В структуре иерархии ориентиров в DEDUC речь идет о том, чтобы пользователь выработал четкое понятийное сознание, чем может быть *релевантная система целей*, система ценностей, в соответствии с которыми должны оцениваться действующие связи в уже существующей системе. С формальной точки зрения установление этой системы ценностей основывается на возможности приписывать фактам ценностей с различным весом; последние снова организуются иерархически, причем *высшие* ценности оказываются *всеобщими* понятиями, под которые *подводятся* ценности из низших областей. Основная идея DEDUC состоит в том, чтобы посредством организации взаимодействия знания о вещах и знания об ориентирах сделать планирование человеческих действий более надежным, т. е. поддерживать решения. Она вполне соответствует основным идеям современной теории решений⁶. Цель такой системы состоит в том, чтобы дифференцированно оценивать всю массу *действий* и *побочных действий* с точки зрения их *желательности*. Поэтому далее речь идет о том, чтобы по возможности оптимизировать последствия вмешательства в систему. При этом с математической точки зрения представляется, что не имеет особого значения, принимается ли во внимание только *цена-польза-вес* или также и *качественные* взаимодействия. В сложных системах «овладение побочными действиями» непосредственно становится решающей целью методов оптимизации. *Динамический анализ* действий, основанный на учете различных качественных точек зрения, является, следовательно, той задачей, которая должна быть разрешима при помощи DEDUC.

В таком случае, разумеется, возникает следующая проблема: в принципе всегда должна существовать возможность задать системам, поддерживающим решения, вопрос, учитывают ли они достаточным образом точки зрения, относящиеся к действию. На языке классической философии можно, следовательно, сказать, что системы такого рода должны были бы иметь тенденцию к постановке вопроса, *что такое тогда «высшее благо»* для всех оценок возможных действий, и если не отвечать на него, то хотя бы содержать его как проблему. Мы присоединяемся здесь к мнению Козловски, согласно которому во всех вопросах, касающихся решений, следует учитывать не только «*probabilitas externa*»*, но и «*probabilitas interna*»**. Козловски указывает на то, что при принятии решения речь идет всегда о «добросовестной оценке»⁷.

Если речь идет о человеческих действиях, в частности, в

* Внешняя вероятность (лат.) — Прим. перев.

** Внутренняя вероятность (лат.) — Прим. перев.

области экономики, неизбежное переплетение вопросов о приписывании весов с этическими вопросами обнаруживается там, где сценарии не могут рассматриваться как произвольно варьируемые. Поэтому Козловски указывает на то, что существуют, к примеру, «дурные действия, такие, как ложь или кража, которые не могут рассматриваться как выигрыши в игре против экономического блага»⁸. В конечном счете в соответствии с тезисом Козловски каждое значительное взвешивание благ требует, «чтобы было дано *безусловное предположение взвешивания*, которое само не входит в процесс взвешивания. По крайней мере некоторое благо должно иметь безусловный характер для того, чтобы могли существовать обусловленные блага как условие и масштаб взвешивания»⁹. Следовательно, вопрос заключается в том, *представимо ли высшее благо в системах, поддерживающих решения*, и если нет, может ли учет этической точки зрения в связи с системой, поддерживающей решения, обеспечиваться другим способом при посредстве пользователя. При этом нам снова следует обратиться к Кантовой «Критике способности суждения»¹⁰.

О втором тезисе. Если мы стремимся понять ответственность в смысле Канта и поэтому отталкиваемся от «Критики способности суждения», то от нас здесь требуется провести более детальные различия, чтобы иметь возможность прояснить, чем, с точки зрения ответственности, может быть полезна система, поддерживающая решения.

С одной стороны, и это, как кажется, свидетельствует против нашего тезиса, представляется, что в DEDUC закономерно возникают требования, которые Кант формулирует относительно *связи практической и теоретической философии*. Прежде всего в соответствии с высказыванием Канта проникновение в природу также должно обуславливать возможность того, чтобы для законов практического типа можно было бы найти применение: «...природу, следовательно, надо мыслить так, чтобы закономерность ее формы соответствовала по меньшей мере возможности целей, осуществляемых в ней по законам свободы» (5, 174). В DEDUC каждая *оценка исходит из* определенного изображения моделируемой системы, поэтому и максимы действий, если бы они могли быть сформулированы при помощи DEDUC адекватным образом, были бы применимы к природе в Кантовом смысле.

Кроме того, оказывается, что иерархическая структура ориентиров в системе DEDUC, по-видимому, почти совпадает с требованиями Канта к практической философии. Поскольку именно в модуле ориентиров, равно как и в вещном модуле, формулируются правила, которые затем в модуле ориентиров иерархически упорядочиваются, представляется, следовательно, что это Кантово требование могло бы соответствовать такому положению, при котором каждое «морально-практическое пра-

вило» основывалось бы на более высоких правилах и в идеальном случае приводило бы, в конце концов, к некоторому «необусловленному принципу». Кант описывает как морально-практические правила в отличие от технико-практических правил (чистого умения, а не ответственности) такие, которые, в конце концов, должны быть основаны на некотором высшем принципе, а именно на *понятии свободы*, «...по отношению к которому ее принципы называются законами, и со своими следствиями одни только и составляют вторую часть философии, а именно практическую» (5, 170). В другом месте говорится: «Моральные же законы имеют то отличительное свойство, что они предписывают разуму нечто в качестве цели без всякого условия, стало быть, именно так, как это нужно для понятия о конечной цели» (5, 485).

В конце концов, следует также допустить, что сами кажущиеся утилитарными методы оптимизации, как они выступают в теории решений и при работе с DEDUC, не были неизвестны также и Канту. По крайней мере он говорит о цели, направляющей действия к некоторой последней конечной цели. По Канту, конечная цель может быть направляющей для людей двояким образом. Согласно одному способу действие может направляться к «высшему в мире возможному физическому благу» (ср. 5, 485 и далее), способствование которому и составляет, по Канту, цель «счастья». Согласно второму способу практическое целеполагание может направляться на «*достоинство быть счастливым*», из чего, по Канту, вытекает требование к самому действию или действующему человеку находиться в «согласии с законами нравственности». В другом месте обе эти частичные цели — и согласие с нравственным законом, и счастье в физическом мире — понимаются как части «идеи конечной цели» (ср. 5, 489).

Однако существует сильный аргумент, который, по-видимому, ставит под сомнение возможность представить конечную цель в виде высшего блага с помощью сходных с DEDUC систем. Дело в том, что людям доступны не все необходимые для этого критерии. Следовательно, если верно, что должно быть возможно мыслить в понятии высшей цели возможность этой цели в соответствии с природой, то никогда нельзя доказать эту возможность для человека. То, что мы выше утверждали о границах философии природы, равным образом относится и к последствиям данности некоторой цели. Кант описывает эту ситуацию таким образом, что в конечном счете идея конечной цели человека может быть помыслена только таким образом, чтобы она была конечной целью также и для Создателя. Но об этом мы, по Канту, не можем обладать каким-либо объективным знанием.

Кроме того, оказывается, что понятие свободы у Канта имеет *формальный* характер, который остается *невоспроизводи-*

мым при помощи языковых средств DEDUC, поскольку с ценностями, в конце концов, обращаются так же, как и с другими объектами¹¹. В противоположность этому у Канта говорится, что моральный закон является «основанным на разуме формальным условием применения нашей свободы» (5, 485); нравственные законы, как он говорит в другом месте, «формальны и повелевают безусловно, безотносительно к целям (как материальной волеяния)» (5, 487).

По этим основаниям, с кантовской точки зрения, уязвим тезис, согласно которому предполагалось, что при помощи языковых средств DEDUC возможно соответствующим образом представить правила морально-практической целесообразности, которые Кант называет законами.

Теперь о *третьем тезисе*. Если согласно первому тезису верно, что при постановке вопросов теории решений должно мыслить и с точки зрения *ответственности*, в особенности при введении такой поддерживающей решения системы, как DEDUC, то при этом об ответственности вообще можно говорить не со стороны машины, а только со стороны *решателей*, т. е. пользователей DEDUC. Способ, в соответствии с которым это происходит, в конечном счете можно объяснить тем, что Кант не рассмотрел всех возможностей применения своей практической философии.

¹ Программное обеспечение DEDUC представляет собой часть книги — пакета программного обеспечения (Bossel H., Hognung B., Müller-Reißmann F. Wissenverarbeitung mit DEDUC. Wiesbaden, 1989. Содержащийся в пакете учебник в дальнейшем будет сокращенно обозначаться как Bossel. 1989, содержащийся там же справочник для пользователя — как Müller-Reißmann, 1989.

² Ср., например, Bossel, 1989. S. 145.

³ Об основных понятиях объектно-ориентированного программирования, особенно о различии между «элементом» и «классом», как они находят сегодня применение в C++-программировании, см.: Bause F., Tölle W. Cfur Programmierer. Wiesbaden, 1990.

⁴ Ср. с дальнейшим (5, 177—179). Курсив во всех цитатах принадлежит автору статьи.

⁵ Работа с модулем ориентиров подробно демонстрируется на примере, тему которого составляет «план развития» штата Мехико (Bossel, 1989. S. 114). В нашем контексте можно не останавливаться подробнее на множестве деталей, которые играют здесь техническую роль. Достаточно указать на то положение, что на различных ступенях иерархии ориентиров играют определенную роль факторы субъективной очевидности (правдоподобия), факторы сомнения и факторы вызова для ценностей.

⁶ В связи со следующим см.: Koslowski P. Prinzipien der Ethischen Ökonomie. Tübingen, 1988. Подробный список литературы относительно введения в рассмотрение ориентиров находится в Bossel, 1989. S. 176 и далее.

⁷ Koslowski P. Op. cit. S. 165.

⁸ Там же. S. 171. Если приводить разительный пример, как это любят философы в вопросах этики, то можно было бы указать на то, что моделирование основных направлений развития (как в известной модели Мехико, предложенной авторами DEDUC) едва ли имело бы какой-нибудь смысл для «разумного» пользователя, если бы допускало в качестве возможного сценария порабощение половины мексиканского населения, как бы ни способст-

вовала такая посылка достижению некоторой «ценности» (например, процветанию штата Мехико).

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Козловски считает принцип категорического императива Канта слишком неконкретным, чтобы он мог направлять решение этических проблем экономических теорий (там же. С. 168).

¹¹ Müller-Reißmann, 1989. S. 17: «Синтаксически с ориентирами обращаются как с объектами»; Bossel, 1989. S. 144: «Чисто формально и синтаксически модуль ориентиров построен точно так же, как модуль вещей».

Перевод с нем. В. Н. Брюшкина

Анализ понятия существования: от Канта к современной логике

Е. Е. Ледников

(Московский институт тонкой химической технологии)

Среди многочисленных заслуг Канта хотелось бы обратить внимание на анализ понятия существования. Как известно, Кант не признавал ни опытной, ни теоретической возможности доказательства бытия бога; последнее, по его мнению, только объект веры. Поэтому он не мог согласиться с правомочностью так называемого онтологического доказательства бытия бога, обычно приписываемого средневековому схоласту Ансельму Кентерберийскому, попытки улучшения которого предприняли впоследствии Декарт и Лейбниц. В нашу задачу не входит детальный анализ различных версий подобных доказательств¹, отметим лишь, что все они используют понятие существования в функции предиката, точнее сказать, атрибута, неотъемлемого свойства, без которого бог как безусловное необходимое существо не может мыслиться. Но коль скоро бога и представить себе несуществующим невозможно, значит, это существо высшего совершенства существует².

Кант хорошо понимал различие между мыслимым и реальным существованием. Он предостерегал от заключений о бытии вещи на основе ее возможности, то есть на основе ее логически непротиворечивого представления в мысли (З, 520). Одного этого замечания было бы достаточно, чтобы разрушить онтологический аргумент. Однако Кант, изучая структуру аргумента, сделал вывод о том, что существование не является свойством вещей, предикатом, способным увеличивать содержание субъекта мысли. «Если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (даже полностью определяя ее), то от добавления, что эта вещь *существует*, к ней ничего не прибавляется. В противном случае существовало бы не то же самое, а больше того, что я мыслил в понятии, и я не мог бы сказать, что существует именно предмет моего понятия. Если я даже мыслю в какой-нибудь вещи все реальности, кроме одной, то от того, что я скажу: *эта вещь*,